

● На сцене (в спектакле «Кин»).

В КАБИНЕТЕ одной из парижских кинокомпаний Жан-Поль Бельмондо встретил нас с потрепанной книжкой в руках — «Сирано де Бержерак» Э. Ростана. Он разувал заглавную роль, которую будет исполнять в этой пьесе в постановке Робера Оссейна на сцене парижского театра «Мариньи».

На столе стояли две небольшие бронзовые фигуры, выполненные его отцом — известным скульптором, прохаживалась крошечная собачонка Майя, своеобразный талисман, с которым актер никогда не расстается.

Поседевший, загорелый, ослепительно улыбающийся, с чрезвычайно подвижной мимикой, Жан-Поль Бельмондо терпеливо отвечал на наши вопросы. Но казалось, что ему трудно провести несколько часов в четырех стенах. Время от времени он бросал взгляды на парижские улицы, где кипела жизнь.

Вместе с известным режиссером Клодом Лелюшем Бельмондо впервые едет в Советский Союз, где пройдет Неделя тех его фильмов, которые раньше никог-

да не застрахован от неудач. Жан Габен любил повторять: «Тем, кто занимается этим ремеслом, надо иметь много здоровья, терпения и чуть-чуть таланта».

— В прошлом году вы с огромным успехом сыграли в театре в пьесе А. Дюма «Кин», которую поставил Р. Оссейн, 20 января 1990 года — премьера «Сирано де Бержерака». Почему вы вернулись в театр?

— Знаете, еще ребенком, когда ходил с матерью в цирк, я мечтал стать клоуном, потом знаменитым вратарем или боксером. В 16 лет мне ужасно захотелось играть на сцене, и еще до поступления в консерваторию драматического искусства я выступал в разных труппах. Когда я дебютировал на сцене, в театре царила эпоха романтизма, и самым популярным актером был Жерар

шель Симон жаловался: «Я погубил свою карьеру — не сыграл Гамлета». Разумеется, после такого перерыва, вернувшись на сцену, я шел на риск. Некоторые ждали моего поражения, но я был счастлив, словно обрел молодость. Сам себе я напоминал старого боксера, который из чувства гордости снова вышел на ринг. Он не хотел сдаваться!

— Вернемся к проблемам кинематографа. Какую эволюцию, с вашей точки зрения, он претерпел за последние десятилетия?

— Кино пережило много этапов. Огромное влияние на развитие всего мирового кинематографа оказала «новая волна» (Годар, Трюффо), которая сломала существовавший конформизм, принесла необычайную свободу. Сегодня он снова переживает трудные времена, ему нужна еще одна «новая волна». И я верю, что она придет. Кино, которое для меня всегда было праздником общения людей, возьмет верх над телевидением.

— Какое место занимает кино в нашей жизни?

— Для меня значение кино в том, что оно позволяет людям забыть на какое-то время свои заботы: одному, что он беден, другому, что ему изменила жена, третьему, что его обидели, и так далее. Хороший фильм хотя бы на два часа позволяет уйти от повседневности и даже дать ощущение счастья. Вместе с тем настоящая лента может заставить людей задуматься о той или иной проблеме, взглянуть на нее по-новому. В свое время кино было средством разоблачения, но теперь оно, на мой взгляд, уступает эту роль телевидению. Поэтому сейчас, пожалуй, значение кино не столь велико, как раньше. Вместе с тем мне очень приятно, когда зрители, посмотрев мой фильм, благодарят меня за то, что они хорошо провели время. Для актера, наверное, это самая большая похвала, даже большая, чем какая-нибудь премия или награда. Я думаю, что миссия артиста — развлекать людей. Но если бы я был убежден, что могу решить какие-то проблемы, то бросил бы свое ремесло и занялся политической. Например, если бы у меня была возможность помочь решить проблему безработицы. Но ею занимаются люди гораздо более квалифицированные, чем я, и, к сожалению, безуспешно.

— Вас волнуют проблемы, стоящие перед французским обществом?

— Я недаром упомянул о безработице, которая стала бичом нашего общества. Она бьет по всем людям, и в первую очередь по молодым и старикам. В двадцать лет она означает крах всех надежд, ощущение бесполезности, ненужности, что в молодом возрасте особенно нестерпимо... Каждому из нас нельзя оставаться понастоящему спокойным, когда видишь, что повсюду в мире люди продолжают убивать друг друга, едва только закончится одна война, как тут же начинается другая. Беспокоит меня и проблема терроризма. Чудовищно и то, что люди начинают свывать с мыслью о смерти. В телевизионных новостях они каждый день видят трупы, но уже не реагируют на них и спокойно продолжают есть свой суп. Смерть стала банальностью, есть много других вещей, которые меня пугают, например, наркомания, поразившая все социальные слои. Она может привести к гибели целого поколения. Неизвестно, как бороться с этим бедствием.

— Ваша жизнь — это ведь не только съемки в кино и выступления на театральных подмостках. Что еще для вас имеет значение?

— Конечно, моя семья. У меня сын и две дочери. Я много занимаюсь детьми — с ними у меня очень хорошие и теплые отношения. Жива и моя мать, которой 88 лет. Наконец, у меня есть друзья, с которыми я вместе учился в консерватории и дружу уже более 35 лет. Наша жизнь проходила вместе, у нас общий взгляд на творчество. И, как многие другие, я не могу жить без любви — в самом широком смысле этого слова. Семья, дружба, любовь, творчество — для меня самые главные ценности в жизни.

— В начале апреля вам присудили приз «Сезар» за лучшее исполнение мужской роли в фильме Клода Лелюша «Маршрутом баловня», но вы не пришли на церемонию и отказались от награды. Почему?

— Для меня главная награда — это мнение публики, которая смотрит мой фильм. Да и после тридцатилетней карьеры в кино я уже вышел из возраста, когда хочется получать какие-то премии.

— А от «Оскара» вы бы тоже отказались?

— Хороший вопрос. Думаю, что принял бы, ибо это настоящий приз, но я знаю, что никогда не получу его.

Беседу вел
И. БОРТНИКОВ,
представитель Совимпортфильма
во Франции.

Ю. КОВАЛЕНКО,
соб. корр. «Известий».

ОТ СИРАНО ДО КВАЗИМОДО

ВСТРЕЧА С ЖАН-ПОЛЕМ БЕЛЬМОНДО НАКАНУНЕ ЕГО ПРИЕЗДА В СССР

— Порою вас упрекают в том, что вы растратили по пустякам свой талант. Журнал «Нувель обсерватор» писал: «Бельмондо всегда летает по воздуху, зацепившись одной рукой за вертолет. Это не кино, а цирк, культизм!»

— Назовите мне актера, который снимался бы только в шедеврах! Если соглашаться лишь на выдающиеся роли, то за всю жизнь сыграешь два-три раза. Актер должен сниматься — иначе он исчезнет с горизонта. Знаменитый английский артист Кин говорил: «Если я не буду играть, то сойду с ума». Я же снимался у самых крупных режиссеров современности — Ж. Л. Годара, Ф. Трюффо, А. Рене, Л. Малля. После «Сирены Миссисипи» Трюффо прислал мне письмо с извинениями: он не мог простить себе, что пригласил Бельмондо сниматься в картине, которая не пользовалась успехом. Да, порою меня упрекают в том, что я избрал легкий путь, снимался только в развлекательных лентах и отказывался от серьезных. Но это не так! Мне приходилось играть и в «интеллектуальных» фильмах — того же Годара, и в сугубо коммерческих, где я был просто каскадером. Но нужно уметь делать все, и я пробовал себя во всех жанрах. Поэтому не испытываю никаких сожалений. Фильмы, за которые меня критикуют, нравились публике, а я играю все-таки для нее и не стремлюсь потрогать критику или пресыщенным интеллектуалам, уставшим от развлекательных лент, после того, как они их насмотрелись.

— Вы снялись более чем в 70 картинах. Наверное, у вас были и неудачные роли?

— Конечно, ни в одной актерской карьере не обходится без неудач или провалов. Они просто нужны актеру, ибо благодаря им он не теряет контакта с реальностью. Они заставляют его бороться за место под солнцем. Жизнь артиста кино или театра соткана из риска, она была бы скучна, если бы каждая роль гарантировала успех. Так же и у меня. Даже если кто-то достиг вершины, он всегда может споткнуться на своем пути. У каждого из нас есть сомнения, ни-

Филипп. Думаю, сегодня он с трудом нашел бы себя роль. Я же не подходил для ампулы принцев или любовников. Профессора консерватории говорили мне: «Если с вашей внешностью вы обнимете на сцене женщину, весь зал будет смеяться». В свое время, после успеха в кино я ушел с подмостков и не играл там в течение 28 лет. Мне, правда, время от времени предлагали роли Фигаро, Скапена, но я отказывался. Потом я сказал себе: пора возвращаться, ведь только в театре можно найти роли с настоящим текстом. Кроме того, всю жизнь мне не хватало прямого контакта со зрителем, да и отец всегда спрашивал меня: «Когда же ты, наконец, займешься настоящим делом?», под которым подразумевал театр. Помню, как знаменитый Ми-

● ...и на экране (в фильме «Маршрутом баловня»).

да не демонстрировались в нашей стране, в частности, одна из последних картин «Маршрутом баловня». В Москве он также собирается обсудить проект совместных съемок фильма «Собор Парижской Богоматери», в котором предполагает сыграть роль Квазимодо.

— В Россию, — говорит актер, — я отправляюсь с радостью, нетерпением и любопытством. Надеюсь открыть для себя новую страну, в которой началось движение в сторону демократизации. Как и многие мои соотечественники, могу этому только радоваться. Всегда получаю много писем из Советского Союза и даже небольшие подарки ко дню рождения. И очень тронут этими знаками внимания.

— Вы хорошо знакомы с советским кино?

— Я, конечно, видел самые выдающиеся фильмы, например, «Летят журавли», но вообще во Франции — хотя к тому и нет никаких препятствий — плохо знают ваш кинематограф. Прокат русских лент ограничен несколькими кинотеатрами, и они находятся как бы в «гетто». Но то же самое можно сказать и о французских фильмах в Великобритании или США. Только американские фильмы идут повсюду самым широким экраном — в кино и на телевидении.

— Именно поэтому многие французские актеры и режиссеры сегодня обеспокоены нашествием заокеанского кино?

— Да, оно может иметь самые серьезные последствия для всего западноевропейского кинематографа. Раньше у нас на телевидении по крайней мере существовала квота: 60 процентов всех показываемых фильмов должны быть европейскими, но на днях правительство решило от нее отказаться. Нам говорят, что Франция — единственная страна, имевшая такую квоту. Но это не значит, что она была неправа. И без того у меня такое ощущение, что по телевидению идут одни американские ленты, а если отметить ограничения, то французские, наверно, вообще исчезнут с экрана. Этим я не хочу сказать, что заокеанский кинематограф плох, есть замечательные американские фильмы, но каждая страна должна сохранять свою культурную самобытность. Надо уметь защищаться, не дать себя похоронить. Иначе завтра нашим актерам скажут: «Вы не говорите по-английски? Значит, вы не можете сниматься в кино». А скоро начнется телевидение через спутник. Чем это нам грозит?..

— Интересно, как вы сами оцениваете ваш вклад в развитие французского кино?

— Вот уже как минимум тридцать лет я считаю себя «звездой». Полагаю, что мое призвание заключается в том, чтобы развлекать людей: заставлять их смеяться, плакать, переживать. И я думаю, что внес свою лепту в то, что люди стали чаще ходить в кино, хотя в последние годы наш кинематограф переживает кризис: все меньше становится хороших актеров, сценаристов, да и зрителей. Но звездам по-прежнему верят. Помню, однажды в самолете, на котором я летел, отказал двигатель. На борту вспыхнула паника. Ко мне бросился один из пассажиров и стал умолять: «Ну, сделайте что-нибудь!»

Париж.